

Я—ИНЖЕНЕР

Кому предъявим иск

Недавно мне довелось увидеть на сцене Ленинградского театра драмы и комедии пьесу Александра Радова «Иски». Пьеса по существу пытается найти ответ только на один вопрос: почему на большом заводе порою нет ходу талантливому инженеру, почему мы так плохо используем творческий потенциал наших инженеров?

Не собираясь оценивать пьесу и спектакль, скажу только, что смотрел с интересом. Потому что интересы и узривания были проблемы, видимые театром. Лишь мне приходится ставиться с ними и профессионально. И захотелось написать.

В самом деле, что сегодня происходит с инженерами? Достаточно напомнить, что их нас сейчас и три с лишним раза больше, чем в США. И если считать, что только половина этого гигантского инженерного корпуса真正но или косвенно занята созданием и освоением новой техники — машин, аппаратов, приборов, то, как следствует статистика, на одну инженеру, освоенную в серийном производстве, затрачивается более 800 человеко-лет труда дипломированных инженеров. Вряд ли такой

именно и потому что вспомнили о проблемах широкие круги зрителей, сосредоточившие свое внимание автор «Иски» и его постновинции. Пьеса, написанная и поставленная в комедийном, можно сказать, даже в гротесковом ключе, смотрится с интересом: точные реплики, захватывающие коллизии заставляют до отказа заполненный молодежью (издевкой — главным образом, инженерско-техническим), следят за событиями на сцене. Зрительный зал отговаривает от апплодисментов, то смех, и еще не смеются; многое и пишут упаковано. И развались семья молодых специалистов, за несть лет так и не получивших притягивающей их и по закону квартиры. И молодой инженер Никулин, талант которого не находит применения на заводе и оценивается по достоинству лишь предпринимчивым председателем колхоза, куда специалисты посыпаются «на картошку». И туповатый главный инженор Калигин, замыкающий молодой талант, но привыкающий на премии в саентории с дирекциями, собственный бедарийский слогон. И циничный коммерческий директор Добровеский, помнущий меняющий свое мнение в зависимости от коллегии. И безразличный к качеству продукции чиновник — начальник ОТИ завода Козлов. И умный, но беспринципный директор Гурин, со вдохом вспоминающий, что он тоже инженер, но вынужденный послать все свои силы только манипуляционному «воплощению», по которым оценивается работа завода, выпущенного устаревшие станции... И «кинтическая» секретаря, преданные героям женщины, предводители, инициирующие во все инстанции и напоминая смелый журналист, который, рискнув собственной карьерой, пытается помочь своему однополчану Никулину и видит побудить завод перестроиться на выпуск современных, нужных стране станков.

Завершается спектакль эффектной финальной репликой, с которой директор завода обращается не только к своим коллегам, захватывая молодой талант и зевая, но и к зрителям, сидящим в зале: «Что же теперь делать?»

И все-таки мне, как бывшему директору пропущенного объединения и человеку, отдавшему производству почти всю свою сознательную жизнь, на ходу спешившая порой становилась обидно. Неужели все дело в заводских администрациях, и все мы винимы на героях бессмертного «Ревизора», о котором мимоходом вспоминает журналист, или же наименее

временных изданиях фантастов и складов? Думается, что автор и театр, рассказывающая загубленную судьбу инженерного таланта сквозь комедийную лупу, зафиксировали и высмеяли все-таки лишь то, что лежит на поверхности: сама изобретки, а не их причины.

Конечно, консерваторы — главные конструкторы, приспособленцы-директоры, формалисты — начальники ОТИ, встречаются в жизни. Но вряд ли их консерватизм и настороженность к новой технике, к новым способам обзываются только тем, что они принадлежат к старшему поколению, которое «живет техническим багажом прошлых годов». Так же, как я не могу согласиться с тем, что командные посты на заводах занимают чаще всего «подчиненные», а на молодых инженеров «высаживают только самые беспадные».

Напомню, что из изложения, сформированного в тридцатые годы, вышли такие корифеи отечественной и мировой техники, как покоритель космоса С. П. Королев, создатель первой в мире АЭС Н. А. Доблыженко, изобретатель О. К. Антонов и А. С. Яковлев, видный гидротрубник И. Н. Козлов и многие другие инженеры, которых законно гордится советская техника. Не думаю я также, что за 50 тысяч лет, когда постятся заниматься люди, похожие на Гурвица, Добронесского, Калигина и Козлова.

Правда, А. Радов, как опытный и знающий публиканец, выставил в некоторой степени «ураловские» свою сатиру. По ходу пьесы консерватор Калигин вдруг с грустью говорит: «Основы новых машин! Радость потребителя, выгодно государству. А для завода катастрофа: срыв всех нововведений...» В другом месте циничный Добровеский в ответ на реплику Калигина, замыкающий молодой талант, но привыкающий на премии в саентории с дирекциями, собственный бедарийский слогон. И циничный коммерческий директор Добровеский, помнущий меняющий свое мнение в зависимости от коллегии. И безразличный к качеству продукции чиновник — начальник ОТИ завода Козлов. И умный, но беспринципный директор Гурин, со вдохом вспоминающий, что он тоже инженер, но вынужденный послать все свои силы только манипуляционному «воплощению», по которым оценивается работа завода, выпущенного устаревшие станции... И «кинтическая» секретаря, преданные героям женщины, предводители, инициирующие во все инстанции и напоминая смелый журналист, который, рискнув собственной карьерой, пытается помочь своему однополчану Никулину и видит побудить завод перестроиться на выпуск современных, нужных стране станков.

Завершается спектакль эффектной финальной репликой, с которой директор завода обращается не только к своим коллегам, захватывая молодой талант и зевая, но и к зрителям, сидящим в зале: «Что же теперь делать?»

Чем Минвуза и Госплана, и «протолосовала нога». В этом основная причина падения конкурсов в технических вузах и, как следствие, весьма опасное снижение творческого потенциала и общественности узкотематических эссе, и студентов в процессе учебы, снизление чрезмерной опасностью узкотематических эссе, и подготовки специалистов. Поэтому первостепенная задача для восстановления престижа инженера, а кроме того, это займет и место в технических вузах и прекращение практики «борьбы с от совсем недавних или неспособных студентов.

Партия требует сокращения непомерно разбухших штатов многочисленных НИИ, КИИ, промышленных организаций, некоторых заводских служб, многочисленных проверяющих и контролирующих учреждений. О штатных числах говорят хотя бы тот общепризнанный факт, что именно ИТР, а не рабочие являются главными поставщиками рабочих для «целевой помощи» сельскому хозяйству, строительству. О том, что мы держим лишних инженеров, бездействующих специалистов и первые итоги Ленинградского эксперимента по сокращению численности конструкторов и технологов при сохранении неизменных установленного для них фонда зарплаты. Широкое и смелое распространение этого начинания позволит решить и наиболее острый вопрос — повысить зарплаты инженеров, занятых подпольно инженерной деятельностью. При этом, на мой взгляд, пока по примеру многих индустральных разногласий странах перейти на так называемую «двухходовую систему» оплаты инженеров. Сегодня для него почти единственным путем повышения зарплаты является движение вперед по служебной лестнице. И ясно, что это путь для немногих, и тому же он толкает к попыткам в штатных расписаниях многочисленных и именуемых «матчалников» и подчас прекращающим талантливого творца новинки в плохого администратора. Пора открыть для инженера «вторую колею» с тем, чтобы он мог с годами и наполнением опыта, не отрываясь от кульминации, повысить свою зарплату не на 30—40 рублей, а в два-три раза. Вот тогда способностью талантливых инженеров не останутся непреодолимыми. Страшнее этого кресло, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвечает директор, указывает на его кресло, продолжает: «Куда ему бежать? Страшнее этого кресла, что «консервизм» возникает исключительно на почве удобства, неожиданно испугается за своего директора: «Наши удобства. Да и побывайтесь его скончусе...» И после длинного перечисления показателей, за которых отвеч

ЭКРАН, ОТКРЫВАЮЩИЙ МИР

Завтра —
торжественное
открытие XIV
Московского
международного
кинофестиваля.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СОВЕТСКУЮ КОНКУРСНУЮ ПРОГРАММУ

Заслуженный деятель искусств РСФСР режиссер Элем Клинов о художественном фильме «Иди и смотри»

На белорусской земле во время Великой Отечественной войны фашисты уничтожили 628 деревень. Хатынь — одна из них. Она символизирует трагедию народа, весь ужас гитлеровского геноцида. В Хатыни смыта земля из всех сожженных деревень Белоруссии, здесь крутые ступи звонят колокола — в уюне с сердцем народа, вызывая к нашей памяти, к нашей совести. Мы хотели, чтобы голос нашего фильма всплыл в эcho хатынских колоколов, мы хотели, чтобы наши фильмы стали «живущими памятниками».

Отправной точкой для ленты стала «Хатынская повесть» Александра Адамовича. Сильнейшее воздействие на фильм оказала и документальная книга А. Адамовича, Я. Брызги и В. Колесника, в которой собраны свидетельства выживших после сотен Хатыней.

Родом я из Стalingрада, в началье войны мне было восемь лет. Мой отец находился в рядах защитников города в дни великой битвы. И мало сказать, что снять эту картину — давняя моя мечта: я просто обязан был снять свой фильм о войне, о человеке на войне, о душе его, о способности сохранить в себе человека в бесчеловеческих условиях. Наш юный герой — его зовут Флера — проходит за два-три месяца все круги ада: он выходит из него почти старином — но с человеческими глазами. Этой ролью потребовался особого метода работы: мы снимали всю картину последовательно, кадр за кадром, потому что московский школьник Алексей Кравченко, сыгравший Флера, должен был проявить состояние за состоянием. Алексей проявил за одно лето жизни, какую в мирное время просто не дано проявить человеку; он очень изменился. Алексей, он вышел из фильма — душевно и духовно возмужавшим, строенным.

Этот картины отдан не один год. И, естественно, я с волнением жду, как воспримет ее зрителя. Наш юный герой — его зовут Флера — проходит за два-три месяца все круги ада: он выходит из него почти старином — но с человеческими глазами. Этой ролью потребовался особого метода работы: мы снимали всю картину последовательно, кадр за кадром, потому что московский школьник Алексей Кравченко, сыгравший Флера, должен был проявить состояние за состоянием. Алексей проявил за одно лето жизни, какую в мирное время просто не дано проявить человеку; он очень изменился. Алексей, он вышел из фильма — душевно и духовно возмужавшим, строенным.

Мы искали мальчика с особым душевным складом и талантом. Он ведь у нас одноклассник народ, за него его духовных сил, способность его духовна и душевна не сломать, пережив такое.

Человечество не должно этого забывать.

Но-то на Западе хотел бы забыть кровавые страницы истории, приступления фашизма — вот и господин Рейган вложил цветочки на могилы гитлеровских головорезов. Мы делали свой фильм, стремясь пронять каждый его кадр яростью и фанатизмом не только потому, что Великая Отечественная война

для нас священна. Надо показывать предстореги: вот что такое фашизм. Иди и смотри, чтобы не заросла травой забвения совесть человеческая, чтобы это не могло повториться вновь. И есть глубокая символика в том, что завершение нашего фильма совпало с 40-летием Великой Победы, с великим праздником, когда мы с собой скорбью и остройт воспоминанием войну, думаем о той страшной войне, которой нам досталась Победа.

Хочу сказать и несколько слов о стилистике ленты. Мы не шли по пути «ретро — стилизации». Сейчас стало модным в военных фильмах «отбивать» военные эпизоды черно-белым цветом или коричневатой пленкой. Думают, это облегченный путь — исконно-то всегда была цветной! Мы добивались строгого тонального решения именно в цвете, опираясь на фото- и кинодокументы, мы стремились воссоздать на экране документальную правду.

Задача и художники В. Петрова, и оператора А. Родионова была именем спрятать свое мастерство, профессиональную искусство, чтобы погрузить зрителя в атмосферу подлинности. Из мой взгляд, с этой задачей они справились достойно.

Народный артист РСФСР Иван Иванов-Вано о мультипликационном фильме «Сказка о царе Салтане»

«СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

Это мой девятый по счету полнометражный мультипликационный фильм. Сделан он, наил и все предыдущие, начиная с «Конька-Горбунка», в сотрудничестве с моим учеником и другом Л. Милячним.

Работая над сценарием, следуя тому духу и бутре Пушкина, мы пытались отыскать наиболее динамичное изобразительное решение. И, как нам кажется, оно было найдено. Достижение этой цели способствовала и музыка, специально написанная композитором М. Мероничем.

Работа над фильмом длилась довольно долго — два с половиной года. Для того чтобы представить ее публике, достаточно сказать, что было сделано около семисот эскизов-раскрасок. К тому же нужно добавить, что и сами рисунки не просты — царские палаты, сложные костюмы, своеобразие которых не должно было потеряться при движении. Словом, в большой картине и работы много. Нас радует, что удалось не нарушить течение пушкинского стиха — кстати, он превосходно звучит в исполнении артиста московского театра «Современник» А. Леонтьева — и в то же время оставаться верными своей стилистике и яркости, красотности русского сказочного фольклора.

Приятно и почтенно, что наш фильм будет представлен на конкурс XIV Международного московского фестиваля. Он очень важный для меня приезд мы уже получили: во время весеннего школьных каникул дети вручили нам свой диплом за самый красивый фильм. Счастлив, что сумел подарить ребятам еще одну радость. Я сам с детства люблю сказки — за мудрость, доброту, за их вечность.

Кадры из фильма «Иди и смотри» (Флера — Алексей Кравченко); «Сладкий сок внутри травы»; «Сказка о царе Салтане».

ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА

МОСКОВА, ПЛАНЕТА...

Джина ЛОЛЛОБРИДЖИДА, киноактриса (Италия)

...Я рада, что вошла в жюри этого фестиваля: дважды фестиваль и его международный авторитет дают уверенность в высоком качестве конкурсной программы.

«Советская культура», 1973.

Зоятия ФАВРН, киноактриса (Венгрия)

...Московский кинофестиваль сделал очень много для моей творческой судьбы: именно здесь получил высокое признание фильм «Девадаша» — один из тех, которых я дорожу больше всего. Мне приходилось получать и другие награды, но эта была и остается самой ценной, ибо исключительно высоким престижем и авторитетом Московского фестиваля.

«Литературная газета», 1975.

Клодет СИНДО, киноактриса (Франция)

...«Москва» для меня означает удачу. В 1961 году, это был второй по счету Московский кинофестиваль, я впервые приехала к вам своей фильм, который еще не показывали даже у себя в стране. «Большой остров» счастливо получил Большой приз. Десять лет спустя, на VII Московском кинофестивале, моя картина «Жить сегодня — умереть завтра» взяла золотой приз. Я верю, что искусство обладает силой изменять общество. Кино для меня — средство улучшить общество.

«Комсомольская правда», 1977.

Степан ФОРМАН, сценарист и режиссер документального фильма (Великобритания)

...Документальный экран Московского фестиваля становится подлинным зеркалом, отражающим сложную обстановку жизни современного мира. Объединяя вокруг себя прогрессивных ху-

дожников, поддерживающих творчество передовых деятелей кино разных стран, организаторы Московского фестиваля делают большое, жизненно важное для всего мирового искусства дело.

«Советская культура», 1977.

Джорджио ДЕ САНТИС, режиссер (Италия)

...Больше всего мне дорог день фестиваля — «За гуманизм киноискусства», за мир и дружбу между народами. Именно с этой точки зрения нужно рассматривать любой фильм. Десяти Московского фестиваля, на мой взгляд, должен стать девизом киноискусства вообще.

«Советский экран», 1977.

Жакин МОРО, актриса (Франция)

...Я впервые на Московском фестивале, но давно стремлюсь привезти, так как это одно из самых престижных творческих соревнований мира. Чтобы утвердиться в этом представлении, достаточно просмотреть списки стран-участниц, перечитать имена гостей.

«Советская культура», 1979.

Хуан Антонио БАРДЕМ, киноактер (Испания)

...Советское кино всегда представляет для нас образец революционного кинематографа, уроки

Итак, год 1985-й. Поднялись флаги четырнадцатого по счету Московского международного кинофестиваля. Он проводится в знаменательный для всего миролюбивого человечества год, год 40-летия Великой Победы над фашизмом.

В связи с этой датой на кинофестивале будет проведен ретроспективный показ лучших антифашистских фильмов различных стран.

Мы уверены, что XIV Московский кинофестиваль является новой яркой страницей в развитии международного сотрудничества прогрессивных кинематографистов, послужит делу мира и дружбы между народами.

Девиз фестиваля — «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!»

